

годня – это паллиатив реального общественного согласия вокруг позитивной интерпретации российского исторического мифа и неких базовых ценностей, социальных институтов и политических практик, которые могли бы действительно легитимировать постсоветский общественный строй.

Ни Запад, ни Восток: западничество-почвенничество как мифология идентичности

Если рассматривать историю прерывно и дискретно (в противовес историцизму), Россия с первой половины XIX в., когда оформился конфликт западников и славянофилов, до начала XXI в. пережила несколько глобальных культурных разрывов. Сегодня страна находится в совершенно иной исторической эпистеме, чем в XIX в. Соответственно, ретроспективно установленная преемственность проблематики споров западников и славянофилов, ее перенос на актуальные политические процессы и теории является в настоящее время ложной парадигмой.

Некритически воспроизводимая терминология западников и славянофилов несет исторический шлейф смыслов, который вовлекает спорящие стороны совсем в иную, уже «почившую в Бозе» логику спора, отвлекая от политических реалий глобальной мироэкономики. Суть исторического спора сводилась к проблеме модернизации страны, приятию или отторжению Россией середины XIX в. капитализма, а также соответствующей этики: быть ей целерациональной утилитарной этикой капитализма и прогресса, нацеленных на эффективность, логику прибыли и выгоду, либо оставаться православной эквивалентной «этикой дара», характерной для традиционных обществ. Та же проблема, но в другой формулировке: что важнее – экономика капитализма, формирующая логику и ценности универ-

сального типа всечеловеческой культуры, либо особая национальная культура, которой вовсе не нужно жертвовать в угоду логике экономического развития.

Данный спор в действительности давно сместился в несколько иную плоскость. Речь уже не идет о том, быть или не быть капитализму, поскольку Россия де-факто включена в него, но о том, каким капитализму быть в пространстве национальной российской культуры. Иными словами, не *что* такое капитализм, а *при каких условиях* он максимально эффективно смог бы работать в России, выгодно используя ее географические, исторические, культурные особенности.

Рациональная либеральная культура «Modernity», выражающая дух капиталистического прогресса, претендует на универсальность своих экономических законов в глобальном масштабе при сохранении национально-культурных способов ее воплощения. Тем не менее, остается неясным – сможет ли экономическая этика капитализма и рациональные ценности либерализма, как более «совершенные» в соответствии с концептом «прогресса», полностью вытеснить уникальные типы этик и уклады жизни в современном мире. С другой стороны, капитализм, тождественный в экономике либерализму, в Европе и США с XVI–XVII в., в России с XIX, а в мировом масштабе с XX в. занимает доминирующее положение, зачастую прекрасно сочетаясь с любыми не-западными культурами. Но если следовать подобной логике, то фундаментальных противоречий у западничества и славянофильства нет. Противоречия инспирируются либо современной двусмысленностью исторической терминологии в настоящее время, либо применением данного антагонизма в риторических целях, когда оппоненту приписываются ограничения и негативные коннотации, связанные с односторонней принадлежностью к одному из данных течений.

Западничество и славянофильство сегодня представляют не самостоятельные течения, каковыми никогда и не были (как две стороны медали), но лишь параллельные языки описания одной политической действительности. Они не могут соперничать за объективность и полную гегемонию на одно и то же «означаемое». Речь скорее должна идти о популярном в современной физике принципе дополнительности в описании сложных исследовательских объектов. Очевидно, что западничество сильнее в экономической картине общества, славянофильство – в обосновании приоритета культурной надстройки, особенности, но не «особости» России. Кроме того, ценностное расхождение культур нейтрализуется, когда речь идет об экономической политике, диктующей всеобщую логику эффективности в своей сфере.

Конечно, любое общество несводимо полностью только к измерению своего экономического базиса. Оно имеет культуру, концентрирующую пространство субъективных ценностей, не сводимых к объективному измерению рыночных прибылей, территории, средств производства, численности населения и т.д. Таковы, например, язык, история, вера, оформляющие уникальную матрицу ценностей и смыслов данного общества, которая формирует культурные коды, существующие до, помимо и сверх всеобщего базового языка либеральной экономики. Именно на уровне культуры образуется пространство ценностного разрыва, «черные дыры» языка, культурные лакуны, которые никогда не поддавались адекватной расшифровке с помощью рационально структурированного языка экономической теории и этики капитализма. Именно здесь возникает проблема невыразимости аутентичного культурного содержания инокультурной терминологией.

На универсальном языке выразимо лишь общее, то есть тождества культурного опыта. Различия, составляющие основу неповторимости символов культурных матриц,

поддаются выражению, лишь следуя своим внутренним правилам игры и аутентичной внутренней логике смыслов. Кроме того, субъективизм, критика и идеология в общественных науках неустранимы, так как они детерминированы не только сущим, но и должным той политической практики и культуры, в рамках которой они были выработаны. В отрыве от собственной культурной реальности они могут мутировать из категориальных понятий в идеологические штампы и метафоры с подвижным смыслом, отражающим интересы интерпретатора.

Сейчас поле смыслов спора классических западников и славянофилов предельно размыто. Без предварительного определения описывающих понятий они не поднимаются выше риторики и идеологии. Когда содержание контекстуально начинает приписываться самой логикой спора. Здесь ключевые понятия, формирующие структуру проблемы, превращаются в носителей идеологических коннотаций, в мифологемы. Типичный пример – причисление к славянофилам государственников, националистов¹, коллективистов, монархистов, а к западникам, соответственно, рыночников, либералов, индивидуалистов и т.д. Подобные абстрактные понятия черпают свою легитимность в некоем общем согласии, молчаливой отсылке к консенсусу относительно их интерпретации. Однако при ближайшем рассмотрении, оказывается, что можно быть и западником-националистом и почвенником-индивидуалистом в зависимости от ситуации, сферы, контекста и т.п.

Таким образом, вроде бы самоочевидные теоретические членения, с которых начинается спор западников и

¹ Национализм в отличие от патриотизма нагружен негативными смысловыми коннотациями, поэтому практически никогда не используется для самореференции, а лишь для характеристики других.

славянофилов, сами по себе попадают под вопрос, либо попросту оказываются нерелевантными. С другой стороны, отсутствие реальных противоречий между приведенными выше оппозициями, их неразрывная интеллектуальная дихотомия, когда мы обращаем внимание с теорий на практику, ведет к исчезновению самого предмета спора.

Деление на западников и славянофилов применительно к современности дает весьма смутное представление о проблемах и противоречиях, для выражения которых используется оно за неимением лучшего терминологического аппарата. При этом участникам подобных споров кажется, что наконец-то на смену искусственным идеологиям пришли «естественные» и подлинные в смысле «идентичности» теоретические разбивки. Но позже оказывается, что воскрешение этих споров связано прежде всего с дискредитацией модернистских идеологий и утопий, оказавшихся нерелевантными при переходе к пост-идеологическому обществу потребления.

Но «кому выгодно» воскрешение старых споров? В условиях системного кризиса идеологий и революционных общественных трансформаций, видимо, всем. Чем выше уровень обобщения, тем дальше мы уходим от нормальных идеологий, которые не работают как объяснительные модели постсоветской реальности на уровне спасительной для российского социума политической мифологии.

Проблема состоит не в том, чтобы выяснить, кто прав, а кто ошибается, кто объективен и всемогущ, а кто пребывает в «ложном сознании». Именно такова логика идеологии. Но банальная интуиция подсказывает, что радикальная реализация любого из обозначенных проектов одинаково пагубна. *Важна скорее правильная пропорция заимствований и собственных культурных интенций, традиции и реформы, которая могла бы создать жизнеспособную*

собные всходы и помогают России успешно адаптироваться к изменениям, происходящим в мире. Типичный тому пример – Китай, Южная Корея, Япония, азиатские «тигры». В условиях глобализации невозможно закрыться железным занавесом (что сразу отбрасывает страну на маргинальную обочину мироэкономики), так же как и ориентироваться на центр миросистемы как на идеалтипическую цивилизацию. Поскольку логика «догнать и перегнать», способна превратить Россию в лучшем случае лишь в «Запад второй свежести», вечно отстающий и идеологически зависимый от Запада как точки отсчета.

В своих работах Ж. Деррида показывает, что схематичное дуальное мышление, выстраивающее бинарные оппозиции изначально ущербно, поскольку один из членов оппозиции будет неизменно находиться в привилегированном (нормативном), а другой в притесняемом положении, в зависимости от позиции классификатора. Более того, универсальные системы, построенные на всеобщих бинарных кодах, рано или поздно выходят за собственные пределы, подвергаясь деуниверсализации и делегитимации. Таким образом, любые всеобщие системы обречены на фальсификацию¹.

Однако логика спора соблазняет установить одну из теорий либо оппозиций в качестве нормативной и должной. Историческая динамика проектов Просвещения и Модерна сформировалась путем раскола мифологического слитного мира на ряды двойных кодов: знание/вера, речь/письмо, история/миф, рации/бессознательное, внешнее/внутреннее, первичное/производное, материальное/идеальное, необходимое/возможное, высшее/низшее, формальное/неформальное. Теоретический субъект, таким образом, чтобы достичь

¹ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. СПб., 2001. С. 352-368.

научной истины как тождества вынужден избавляться от противоречий, то есть выбирать один из членов оппозиции в качестве привилегированного, а другой вытеснять. Эта неполнота, «половинчатость», неспособность к синтезу, создает пространство разрыва и «проклятую сторону вещей», где формируется параллельный мир подавления, принимающий форму «политического другого», различного рода аномалий.

В качестве примера бинарная логика западников и славянофилов может быть представлена так:

Западники	Славянофилы
Индивидуум	Личность
Мозаичная культура	Университетская культура
Мультикультурализм	Иерархия ценностей
Ветхий Завет	Евангелие
Предопределенность спасения, избранные и изгои	Спасение «всем миром»
Расколотовое (классовое) общество	Народ
Эффективная конкуренция (специализация, дифференциация)	Эффективная солидарность (кооперация)
Гражданское общество (теория договора)	Органическое, традиционное общество (концепт единого тела народа)
Модель общества – рынок	Модель общества – семья
Легитимность власти – договор/обман	Легитимность власти – верность/измена
Индивидуализм	Холизм
Парламент	Собор

Качественным критерием теорий (всегда балансирующих на грани сущего и должного), определяющим их научную релевантность, является способность методологии адекватно работать на различном культурно-историческом материале, не выстраивая иерархий ценностных оппозиций. При этом любая культурная матрица будет иметь собственную логосферу корневых символов, смыслов и ценностей, ключ к которым спрятан в ее собственных глубинах.

Пока же можно лишь констатировать, что западничество, связанное с либеральным рационально-индивидуалистическим стилем мышления ориентировано на способы функционирования универсальных экономических и политических ценностей.

Славянофильство же представляет рефлексивную реакцию традиции на подчинение культуры экономики, ценностей – здравому смыслу. И консервативно-славянофильская, и цивилизационная, и евразийская интеллектуальные волны в России, безусловно, являются реакцией обществоведения на попытку полного подчинения «особенности» России неким политико-экономическим ценностям, которые, претендуя на всеобщность, являются для нее зачастую лишь внешними, сомнительными нормативными требованиями.

В современной исторической эпистеме спор западников и почвенников являет собой частный случай противостояния «панлогистов», констатирующих всемирно-исторический, универсальный характер законов прогресса человечества и определяющих Запад как авангард этого процесса, опережающий на шаг-два остальные культуры, и «органицистов», утверждающих, что культурный потенциал той или иной нации способен эффективно функционировать только при ориентации политической системы на ценности адекватные и соразмерные данной культурной матрице. Сегодня актуальный пример такого спора представляет объективная глобализация политики и экономики, приветствуемая панлогистами, и параллельная, опровергающая глобализацию культурная, этническая, языковая, религиозная фрагментация мира. Своего рода цивилизационная регионализация, которая, по мысли С. Хантингтона, культурные различия и полагаемые ими границы ставит выше «универсальной» логики капитализма и политико-экономических выгод. Таким образом, обосновывается необходи-

мость и эффективность возврата от постбиполярного мира к пре-Модерну, закрытия национальных экономик и поддержания разнообразных исторических видов самобытности периода «золотого века», предшествующего глобализации¹.

Сегодня в области политических идей наблюдается расширение проблемной повестки с национального до глобального уровня. Глобализация в отличие от относительно объективных процессов международной интернационализации имеет относительно управляемый характер. Вместо западников и славянофилов, ведущих спор на уровне наций-государств и цивилизаций, сталкиваются глобалисты и антиглобалисты. По мнению последних, климатические, культурные, географические отличия национальных экономик обуславливают невозможность глобального слияния на нормативных истинах одного типа демократии (европейской) и этики капитала. Если глобализм реализует «генетические ценности» «универсального» либерального экономического порядка, то антиглобалисты указывают на его особенность, явное противоречие этическим, историческим, национальным, экономическим принципам укладов не-западных экономик, где устранение особенностей этих укладов фактически означает кризис основанных на них экономик и политик.

Соответственно субъективная «правота» глобалистов/антиглобалистов относительно позитивных/негативных эффектов глобализации зависит сегодня от того, на ком – «первый», «второй», «третий» политические миры или же, в терминологии миросистемного анализа: центр, полупериферия, периферия – иллюстрируются издержки/выгоды глобализации. Нетрудно заметить, что экономи-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // ПОЛИС, 1994. № 1. С. 33-48; Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам // Там же. С. 49-57.

ческая глобализация формирует мировое разделение труда и капитала, где страны капитала получают сверхприбыль за счет монополии сверхприбыльных производств и организации людской и сырьевой эксплуатации стран труда/сырья, не входящих в ядро глобализационных процессов. Более того, «свободная конкуренция» стран «второго» и «третьего» мира между собой за потоки глобальных инвестиций истощает эти страны, лишает ресурсов для национально ориентированного развития. По сути, глобализация отвергает эквивалентный экономический обмен, из которого не образуется капитала в виде прибыли. Экономические обмены между субъектами и вовлеченными объектами глобализации носит ассиметричный, властный характер, связанный с изъятием части прибавочной стоимости у тех, кто ее произвел.

В настоящее время логика российских западников представляет собой апологетику глобализации. Здесь российская национальная политика подвергается полной имманентизации, детерминируется только материальным (посюсторонним) в логике привилегии корпоративно-экономического общества. Как следствие – российская политика характеризуется исчерпанием фундаментальных идей, отсылавших к морали, откровению, провидению, мистике, судьбе, добру и злу. Соответственно славянофилам не остается ничего другого, как превратится в антиглобалистов. Необходимость мыслить о судьбе России в глобальном плане влечет поиск ответов на вопрос: «Возможны ли альтернативы неолиберальной (неэквивалентной) модели глобализации, наблюдаемой сегодня?»

Аксиома парадигмы глобализации заключается в том, что социальная реальность больше не может быть адекватно отражена языком «великих идеологий и утопий». Парадигма глобализации, будучи тесно связана с постмодернистским мышлением, вольно или невольно легитимирует

культурно-политическую ситуацию глобального неолиберализма, невосприимчивого к социокультурным различиям современных обществ и провозглашающего универсальность экономических законов капиталистической миросистемы. Отличие парадигмы глобализации от критической теории цивилизации в том, что она наносит удар по нации-государству как форме реализации универсального ценностного порядка Просвещения. Это звено, которое сплачивает все более расходящиеся политические уровни глобального и локального. Отсюда логически следует отрицание значимости национально-государственной специфики политики, нейтрализация нации-государства как основного участника политического процесса.

Вследствие этого происходит провисание всей структуры современной политической системы, сложившейся в условиях Модерна. Глобализация в связке: человек–нация–человечество, соответствующей другой связке: гражданин–государство–глобальность (транснационализм), выбивает среднюю ступень политической организации – нацию-государство, на котором строился универсализм Просвещения и Модерна. В результате это оборачивается делегитимацией исторической эпистемы Просвещения через различные концепции «конца истории», постструктурализма, деконструкции и языковых игр.

По мнению антиглобалистов, глобализация осуществляется через разрыв человека культурно-исторической традицией нации. Только устранив или ограничив в ходе социализации (семья, школа, университет) «приращение к традиции», можно нейтрализовать нацию-государство как ключевой уровень политической идентификации и основного политического субъекта. Оправдание глобализации связано с историцизмом как подчинением фатальным, объективным законам истории, экономики, рынка, прогресса, независимым от человека. Глобализации сопутствует дегуманизация, поскольку ис-

ключению из культур всего особенного и традиционного препятствует именно субъективный человеческий фактор.

Сегодня альтернативы глобальному западничеству связываются в основном с маргиналами как общества (анархисты, экологи, антиглобалисты, различного рода меньшинства), так и странами-маргиналами, которых эксплуатирует «глобальный мировой капитал», и которые (в марксистской логике) должны будут ответить на эксплуатацию созданием «глобального интернационала угнетенных», в составе всего «третьего» и бывшего «второго» мира. Однако в настоящее время не существует реального политического субъекта, который мог бы эффективно противостоять объективным процессам глобализации мировой экономики после краха СССР и соцлагеря. Россия как отдельное государство способна лишь на автаркию от миросистемы, позитивные результаты которой весьма спорны. Гораздо эффективнее могла бы стать долгосрочная стратегия встраивания в актуальную миросистему, перемещение России на более выгодные позиции в ней.

В настоящий момент альтернатива ассиметричной глобализации связана лишь с трансформацией самого центра миросистемы как выгодоприобретателя глобализационных процессов. Механизмы запуска трансформации могут быть связаны с исчерпанием пределов роста (сырьевых и технологических) или природными катаклизмами. Интенсификация процессов политической, экономической, культурной, исторической глобализации/локализации продемонстрировала граничность универсальности Просвещения и Модерна. *Даже с религиозных позиций неолиберальная модель глобализации становится проектом «глобальной реформации», легитимирующей превосходство «избранных» капиталом над «проклятыми» трудом.*

Глобальное «восстание элит» продемонстрировало, что они готовы в одностороннем порядке пересмотреть ка-

завшийся неизблемым ранее контракт труда и капитала, воплощенный в идее «среднего класса», как только был устранен сдерживающий фактор в виде СССР. Сегодня альтернатива ассиметричной глобализации связана лишь с трансформацией самого «центра глобализации». Антиглобалистская оппозиция контролируется и не катастрофична.

Главная угроза для актуальной ассиметричной глобализации человечества связана с возрастанием и реваншем всего того, что было ею подавлено и вытеснено как «проклятая сторона вещей». В любом случае глобализму, связанному с универсальностью экономического кода и методологическим индивидуализмом, способен противостоять только политический тотализм, связанный с методологическим холизмом и космополитизмом. В перспективе эти идеи будут левыми, так как правые либерально-консервативные идеологии ориентированы на сохранение статус-кво и слишком связаны национализмом, историей, традициями, границами наций-государств, препятствующими их переносу на глобальное политическое сообщество.

Парадигма глобализации предполагает два варианта развития событий. Либо Модерн Запада сможет трансформироваться во что-то вроде «плюрализма модерностей», избавившись от своих нетранзитивных, уникальных черт, которые характерны только для западной цивилизации, в пользу своих свойств, которые действительно могут стать всеобщими. Либо Модерн будет в глобальном плане вытеснен пост-современным политическим проектом, который абсолютно точно не будет связан с идейным течением постмодернизма, так как последний не обладает «позитивной концептуальностью», то есть способностью воспринимать и интегрировать «Другого».